

Равиль ХАДЕЕВ,
лётчик-испытатель,
кандидат технических наук

ВНИМАНИЕ! НА ПОСАДОЧНОМ КУРСЕ – НЛО!

Аэродром наш, Альтес-Лагер, расположен был недалеко от Берлина, южнее Потсдама, километрах в сорока. Вся Германия тогда была набита войсками. Восточная сторона – нашими, остальная – натовскими. Едешь по дороге, а справа и слева таблички: «Ахтунг! Запретная зона, вход воспрещён!». Это полигоны, аэродромы, базы. Куда ни глянь, в лесу везде свалка армейской амуниции, оборудования, транспорта, использованных вооружений. Если взлетаешь и не видишь под собой сразу пять аэродромов, значит ты и не в Германии вовсе.

Зато это было единственное место в ВВС, где служили по-настоящему напряжённо. Если тревога, то с вылетами и боевой стрельбой на полигоне. Если дежурство, то на совесть, минута в минуту в кабине, в первой готовности. Если вылет из дежурного звена, то через две минуты после сигнала с командного пункта, пара перехватчиков в воздухе, а вторая пара гудит на полосе, ждёт команду. Вот это готовность! Мы и сами гордились такими результатами. Это не в Талды-Кургане водку жрать!

Началась «перестройка», начало всё рушиться, полёты пошли на спад. Керосин с перебоями поступать стал. Но командиры наши бились ещё за уровень подготовки, как могли. Полётов становилось всё меньше. В воздухе уже не было так напряжённо. Всем работать стало легче, но на душе тяжелее, потому что из России те, кто возвращался из отпуска или командировки, такое рассказывали!..

...Летали мы в ту смену ночью, уже полёты к завершению шли. Два крайних вылета, два МиГа в воздухе болтались. Так уже часа два ночи было.

Вдруг руководитель ближней зоны говорит:

— В азимуте сто тридцать наблюдаю засветку, скорость не определяется!..

— Не понял.... – руководитель полётов, по-моему, остолбенел.

— В азимуте сто тридцать отметка крупной цели... неподвижна...

— Откуда она взялась? Высота какая? Может, метеорологическая? Воздушный шар, может?

Полетами руководил Витя Иванов. Он в последнее время дерзкий и агрессивный стал. Его врачи с лётной работы списали, так что в растерянности он был, и за грубостью её скрывал. Ну а как же: списали, ехать в Россию, а куда? Он из какой-то Тмутаракани, да в Афган. Потом сюда, а квартиры нигде нет. Сейчас с армии выгонят – куда деться? На какие шиши жить? Куда, в какую дырку ордена свои теперь засунуть?

— Высота две шестьсот у неё. Размер... примерно как Антей отмечается.

— Наблюдай за ней! Там на расчётном рубеже двести шестой.

— Между ними восемнадцать километров.

— Двести шестой на посадочном!.. — тут же последовал доклад.

— Два ноль шесть, посмотри справа на траверзе на удалении пятнадцать, наблюдаешь?

— Нет...Ничего не наблюдаю.

— Ничего?... Может огни бортовые, проблесковый?... Нет?

— Нет, ничего не наблюдаю... Звёзды одни.

Ну, дьявольщина... Когда-то давно у нас, в Луганске на ночных была тоже такая отметка.

Тогда руководитель посадки говорит:

— Я – «Тройка», посадочный пересекает стая птиц!

Руководителем полётов в Луганске сидел старый Супонин, обругал он его тогда:

— Ты что, сынок, только проснулся? Какие птицы? Три часа ночи! Они же спят, родной, не то, что как мы... — И добавил уже не в микрофон: — Толпа идиотов!..

— Отметка пересекает посадочный, скорость тридцать, на высоте двести.

Ну, тех, которые на посадку заходили, отвернули, на второй заход угнали. Отметка посадочный пересекла, вокруг аэродрома круг правильный описала и с экрана исчезла. Решили тогда, что, наверное, это Баба-Яга была, а что можно было ещё предположить? Прямо же не скажешь – НЛО. Засмеют!

Но эта, наша германская отметка сначала была вовсе неподвижна. Двести шестой сел, а второго завели на посадку с обратным стартом. Он с фарой сел, без прожекторов. В Вюнсдорф на КП доложили, что полёты закончили, а про отметку не сказали. Сидим, на неё смотрим.

Руководитель ближней зоны говорит:

— Отметка перемещается в расчётную точку.

И мы заметили, что она сдвинулась и медленно так пошла, пошла, поплыла в исходную точку. Это точка, в которой борты наши заход начинают для выхода на посадочную глиссаду, когда заходят на посадку в сложных метеоусловиях. Так метка точно по тому маршруту прошла, вышла на посадочный курс и снова зависла.

— Посторонний на курсе, на глиссаде.

Это руководитель зоны посадки отозвался. Посадочная-то система включённой осталась. Чужой видно ей и воспользовался. Точно вышел по лучу посадочного локатора. Висел он так, висел, а мы ждём, что же дальше-то будет? Минут пять повисел и двинулся по посадочным лучам снижаться. Всё точно выдерживал, как наши МиГи при заходе в автоматическом режиме. Только медленно, осторожно так.

— Подходит к дальнему... Высота сто восемьдесят...

По расчёту должна быть двести высота, но наши все на сто восемьдесят проходят. Так себе удобнее, легче. Видать, и он знает, что так правильнее, чем по локатору. Следил, что ли за нами?

Дежурный штурман говорит:

— Дальний привод вырубился!

— «Книжный-4», я старт!

Молчит Книжный-4!

— «Книжный-4», я старт, как слышите?..

Молчит. А аэродром-то запасной для Цербста, там тоже полёты идут!

— На мачте лампа горит вроде... Телефон... не отвечает...

— Цель подходит к ближнему, восемьдесят метров...

— Ближний вырубился!..

Мы уже готовы были к этому. Ждали его выключения.

— Ни огней не видно... ничего...

— К точке выравнивания подходит высота пятнадцать метров...

— Вииятя, смотри!... она над полосой! Включи прожектористам зелёный, пусть подсветят!..

Тот только рукой махнул. От прожекторов и от РСП разбежались люди. Над полосой что-то величиной с пятиэтажный дом тёмным силуэтом зависло метрах на пяти.

Замолкли динамики всех радиостанций и селекторов. Ярким светом засветились экраны радаров. Всё словно застыло. Вдруг эта машина резко, без разгона взмыла вертикально вверх. И сразу всё кончилось!

— Связисты! Налаживайте аппаратуру быстро... Мы же для Цербста запасные. Людей соберите. Проверьте все ли живы!..

— Телефон работает...

— Свяжитесь с КП!

— Они сами на нас выходят уже, на трубку.

— Слушаю, Иванов.... Да, наблюдали... Куда прошла? ... Ни фиги себе!..

— Чего говорят?

— Говорят скорость почти что космическая... На север ушла!..

